

Григоровская А. В. The Romance of Business: истоки романтизма Айн Рэнд / А. В. Григоровская // Научный диалог. — 2020. — № 6. — С. 221—235. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-221-235.

Grigorovskaya, A. V. (2020). The Romance of Business: Ayn Rand Romanticism. *Nauchnyi dialog*, 6: 221-235. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-221-235. (In Russ.).

УДК 821.111(73)Rand.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-221-235

THE ROMANCE OF BUSINESS: ИСТОКИ РОМАНТИЗМА АЙН РЭНД

© Григоровская Анастасия Васильевна (2020), orcid.org/0000-0002-9282-313X, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет» (Тюмень, Россия), a.v.grigorovskaya@utmn.ru.

В статье исследуются истоки романтического мироощущения в творчестве американской писательницы и философа русского происхождения Айн Рэнд (Алисы Зиновьевны Розенбаум, 1905—1982). За основу анализа принимаются русский и американский варианты романтического направления в литературе, которые различаются трактовкой романтического героя. Айн Рэнд формулирует собственное понимание романтизма, в котором определяющим для романтического героя является наличие воли по отношению к собственному характеру и бытию. Сравнивая тексты Рэнд и представителей *business romance* С. Мервина и Г. К. Уэбстера, *Calumet K* (1901), можно отметить, что их герои внешне похожи (они ответственные, принципиальны, умеют вдохновлять других), но на глубинном уровне различаются. Показано, что в центре повествования романов Рэнд лежит судьба человечества, а не просто осмысление путей решения очередной производственной проблемы. Отмечается, что ее герои преодолевают противоречия, пытаются понять себя. Утверждается, что Айн Рэнд делает задачей своего творчества именно преодоление дуализма, следуя традициям русской литературы на американской почве: взяв за основу *efficacious man*, она воплощает в своих героях то, к чему стремились русские романтики: создать идеал человека цельного, меняющего себя и окружающий мир.

Ключевые слова: романтизм; американский романтизм; русский романтизм; *business romance*; Айн Рэнд; С. Мервин и Г. К. Уэбстер.

1. К постановке проблемы

Романтизм — это культурное явление, которое легко узнается, однако ему сложно дать определение. А. В. Коровин и Г. Н. Храповицкая, например, предлагают такую, достаточно широкую дефиницию этого термина применительно к литературе: термин *романтизм* «сочетает в себе высокую духовность, философскую глубину, эмоциональную насыщенность, сложный сюжет, особый интерес к природе и убежденность в неисчерпа-

емых возможностях человеческой личности» [Коровин и др., 2007, с. 5]. Классические тексты, которые принято относить к романтическому направлению, имеют эти черты, однако Н. Мисюров справедливо указывает на то, что романтизм — термин, имеющий национальную специфику [Мисюров, 2016]. Крупные теоретики романтизма обращали внимание на то, что романтизм — это чрезвычайно разноплановое, даже в рамках одной и той же национальной традиции, явление: «Реальная сложность романтического искусства, существовавшего в разных странах и представленного разными творческими индивидуальностями, художниками разных политических мировоззрений, не может быть в сколько-нибудь полной мере отражена в общей типологической характеристике. На деле, в живом историко-литературном процессе, существовал не единый романтизм, а множество течений в нем» [Маймин, 2015, с. 29—30]. Н. А. Гуляев также указывает на существование двух различных подходов к романтизму — гносеологического и конкретно-исторического. В рамках первого подхода романтизм понимается как эстетическое явление, не имеющее строго обозначенных хронологических рамок [Гуляев, 1974]. Этот подход, впрочем, вызывал ряд возражений у ученых, что еще раз подчеркивает неоднозначность самого термина *романтизм*.

Однако, несмотря на отсутствие единой формулы, описывающей романтизм, ученые отмечают, что исторически он складывается как реакция на буржуазную революцию и идеологию Просвещения. Отсюда ощущение трагического раскола, разрыв между мечтой и действительностью, конфликт души и тела [Kluckhohn, 1966; Маймин, 2015; Манн, 1995]. Данный конфликт порождает такое явление, как романтическое двоемирие — «сознание полярности идеала и действительности, ощущение разрыва, пропасти между ними, а с другой стороны, жажда их воссоединения» [Гуревич, 1980, с. 7]. При этом романтическое мироощущение неизбежно предполагает отрицание реальности и тяготение к мечте, несмотря на различные следствия из этого: как создание особого «антимира», так и стремление к бунту.

Цель работы — прояснить, какой традиции следует в своем понимании романтизма американская писательница и философ Айн Рэнд. Актуальность исследования обеспечена тем, что, несмотря на неприятие классической традицией ее понимания романтизма, Рэнд стала основоположницей целого ряда произведений в современной американской литературе, которые следуют методу «нового романтизма» (В. Колхаткар [Kolhatkar, 2012], Д. К. Халлинг [Halling 2013]), а это свидетельствует о необходимости изучения генезиса данного явления. Методология исследования, к которой прибегает автор данной статьи, основывается в первую очередь на работах К. М. Шабар-

ры [Sciabarra, 2013; Sciabarra, 2018], в которых устанавливается связь между диалектическим методом русской философии и философией объективизма, а также на работе С. Дж. Дарлимпла [Darlymple, 1997], раскрывающей отношения между жанром *business romance* и романтизмом.

Айн Рэнд является эмигранткой из России, и значительная часть ее жизни, важная для становления любого мыслителя, прошла именно там. Высказывалось мнение, что ее манера интегрировать понятия и смыслы наследуется от диалектического метода ее учителя Н. О. Лосского [Sciabarra, 2013]. Отсюда важнейшая тенденция объективизма — философии, разработанной Айн Рэнд: преодоление всяческого дуализма, стремление рассматривать любое явление как часть органического целого. Шабарра называет это *the art of context-keeping*, то есть искусство сохранения контекста, способность одновременно связывать несколько разнородных понятий [Sciabarra, 2018]. Романтизм, по всей видимости, был близок писательнице этим же пафосом «преодоления антиномий» и стремлением их синтезировать на более высоком уровне [Kluckhohn, 1966].

Как правило, эпохой романтизма в России считают 1801—1840-е годы, которые вмещают в себя три основных этапа его развития. Как отмечает В. И. Сахаров, романтизм в России был возможностью осознать свои корни, а потому был самобытен: «Романтизм у нас становился не просто литературой, но жизнестроительством, особым взглядом на мир, требующим поистине революционного преображения этого мира» [Сахаров, 2004, с. 6]. Любой утопический проект в России доводился до абсурда — это же касается и романтического миропонимания. Таким образом, мы видим первое и главное отличие русского романтизма от других национальных его «вариаций» — *стремление стать самой жизнью*.

Эпоха романтизма считается переходной: одни художественные ценности (классицистические, просвещенческие) разрушаются, сменяясь другими, возникает мировоззренческий раскол. Однако особенностью русского романтизма при этом стало стремление «сопрягать» ценности Просвещения и новой, романтической эпохи: «Русский романтизм, поначалу увлекшийся миром чувств, со временем возвращает мысли, разуму утраченное ими место и значение <...> Создавая свое учение о разуме, его новое понимание, возникает целое философско-литературное течение — философский романтизм любомудров» [Сахаров, 2004, с. 78]. Утверждая индивидуальность личности, любомудры рассматривали писателя прежде всего как философа. Поэтому русский романтизм особое внимание уделяет формированию *цельной личности*: «Означена тут и задача сохранения человека — в условиях возрастающего разделения труда и все более узкой

специализации (“раздробления”) людей — в качестве целостной и цельной личности ...» [Недзвецкий, 2011, с. 34].

Романтизм также будет играть особую роль в литературной и философской жизни США. Более того, романтизм, по мнению А. М. Зверева, — неотъемлемая часть американской культуры в целом. Своеобразие американского романтизма, по замечанию ученого, заключалось в необычном решении конфликта между идеалом и действительностью, который предлагала американская литература, а именно — в конструировании героя независимого и свободного: «Мечта о духовно просветленной личности, которая, сознавая свои громадные интеллектуальные силы, не нуждается во внешней опоре, поскольку руководствуется только собственными выношенными нормами и критериями — этическими, культурными, религиозными, — отнюдь не казалась отвлеченной и хрупкой перед лицом реальности» [Зверев, 1999, с. 32].

Американский романтизм зарождался как реакция на рационализм Просвещения. Однако, как отмечает Б. А. Гиленсон, американский романтизм не испытывал разочарования в просветительских идеалах и, что немаловажно, отличался оптимизмом, конкретностью и отсутствием «отвлеченной философичности» [Гиленсон, 2003]. В США романтизм развивается позднее, чем, например, в России (ранний — 1820—30-е годы и поздний — 1840—60-е годы), однако тоже обретает «второе дыхание» именно на рубеже веков, возрождаясь в неоромантизме в эпоху «потерянного поколения» (Э. Хэмингуэй, С. Фицджеральд, У. Фолкнер). Общеизвестно, что протест романтиков, который стал особенно явным после финансового кризиса 1837 года, был направлен против капиталистической системы.

Американская романтическая утопия, идеологом которой стал Р. Эмерсон, формируется на основе трансцендентализма. Важность трансцендентализма в формировании американского идеала личности сложно переоценить. Трансцендентализм возникает как реакция на «разорванность сознания», обусловленную разрывом между достижениями индустриальной цивилизации и системой моральных стандартов. Однако при этом американский романтизм не формирует личность, преодолевающую трагический раскол. Б. А. Гиленсон объясняет это отсутствием «ностальгии по безвозвратно потерянному прошлому, пессимизма, “мировой скорби”» [Там же, с. 46]. Аналогичной позиции придерживается А. М. Зверев: «Тоска по утраченной целостности человека, болезненное переживание распавшейся связи, которая некогда соединяла общественную жизнь и культуру, пафос восстановления этого исчезнувшего единства, скорбь из-за того, что обыденность оставляет невостребованным интеллектуальный, творческий потенциал,

разочарование и “Гарольдов плащ” как мета времени — все эти мотивы в американском романтизме либо отсутствуют, либо звучат приглушенно» [Зверев, 1999, с. 39]. Воспевая человека, его сознание и волю, американские романтики не видели в нем противоречий: в их картине мира человек изначально цельный: он верит в свою мысль, в свое слово, в свою независимость, знает себе цену и действует по наитию.

Другой важной чертой американского романтизма стало то, что никто из американских романтиков не предлагал никакого проекта жизнеустройства: «Характерной чертой романтической утопии, созданной Мелвиллом (речь идет о “Тайпи, или Беглый взгляд на полинезийскую жизнь”, *Tyee: A Peep at Polynesian Life*, 1846. — А. Г.), как, впрочем, почти всякой американской романтической утопии, является то, что Мелвилл создавал картину жизни полинезийских дикарей для сравнения с цивилизацией, а отнюдь не для того, чтобы предложить человечеству путь перестройки социального бытия» [Ковалев, 1972, с. 31]. Таким образом, еще одна важная черта американского романтизма — отсутствие стремления к перестройке общества.

2. «Романтический манифест» Айн Рэнд

Айн Рэнд определяет свой эстетический метод как «романтизм», обосновывая его в своей работе «Романтический манифест: философия литературы» (*The Romantic Manifesto: A Philosophy of Literature*, 1969). Особенностью философии объективизма, созданного Рэнд, является переосмысление многих устоявшихся терминов (точно так же она «переоткрывает» такие понятия, как «капитализм», «эгоизм», «интеллектуал»), поэтому рассматривать ее дефиницию романтизма следует только в логике ее философской системы (см. [Воеckmann, 2016]). Ее метод А. Эткинд называет «капреализмом» (по аналогии с «соцреализмом») [Эткинд, 2007], и это мнение действительно не лишено основания: теория «благожелательной вселенной» (*the benevolent universe*), сформулированная писательницей, подозрительно напоминает «революционную романтику» позднего М. Горького, А. Фадеева, Н. Островского и др. Несмотря на то, что А. Терц (Синявский) называет «положительного героя» соцреализма оторванным от романтических традиций XIX века и соотносит его с традициями XVIII века [Синявский, 1988], существует точка зрения, согласно которой соцреализм во многом наследует традиции русских революционеров-демократов: Н. Чернышевского, Д. Писарева, Н. Добролюбова и др. [Шалагинов, 2006]. Отдельные тенденции творчества Чернышевского при этом могут быть названы романтическими.

Айн Рэнд в своем трактате о романтизме дает собственное определение этому понятию: «Романтизм — это эстетическая категория, основанная на признании того, что человек способен к волевому акту» [Рэнд, 2011, с. 100]. Критикуя современное ей понимание романтизма (без учета национальных особенностей), Айн Рэнд отмечает, что дихотомия разума (классицизм) и эмоций (романтизм) является неправильно истолкованной вследствие неразличения понятий «разум», «воля», «эмоции». Исходя из этого, она заключает, что «романтики с философской точки зрения — поборники воли (которую можно считать корнем ценностей), а не чувств (которые оказываются следствием) ...» [Там же, с. 105].

Рэнд пишет, что отличительной характеристикой героя романтической литературы высокого уровня (к ней она относилась тексты В. Гюго, Ф. М. Достоевского, Г. Сенкевича, Н. Готорона) является наличие воли по отношению к собственному характеру (собственным ценностям) и к бытию (по отношению к окружающему миру). Иными словами, романтический герой в трактовке Рэнд способен менять не только окружающий мир, но и себя самого. Таким образом, здесь романтизм в понимании писательницы ближе к «русской» версии: романтический герой, по ее мнению, имеет четкую позицию по отношению к себе и окружающему миру, иными словами — проект переустройства себя и мира. А по причине изначально присущего русскому романтизму стремления к преодолению дуализма в человеке Рэнд и критикует общепринятое определение романтизма как школы, основанной на превосходстве чувств над разумом.

Однако сама писательница создает героев, которых трудно назвать романтическими как с точки зрения русской, так и с точки зрения американской литературы. Ее произведения проникнуты прокапиталистическим духом, что не было свойственно ни русской, ни уж тем более американской литературе. Сама Айн Рэнд объясняет свою позицию следующим образом: «Ища вслепую метафизически ориентированный, масштабный, возвышенный стиль жизни, романтики чаще всего были врагами капитализма, который они считали прозаической, материалистической, “мелкобуржуазной” системой, так и не догадавшись, что только при этой системе возможны свобода, индивидуальность и поиски ценностей» [Там же, с. 106].

3. Американский романтизм и традиция *business romance*

Business romance — специфический жанр, характеризующийся романтизацией бизнеса и бизнесменов. В качестве рабочего определения для данного субжанра С. Дж. Дарлимпл берет определение романтизма,

данное Рэнд, и применяет его к изучению романа о строительстве зернового элеватора С. Мервина и Г. К. Уэбстера *Calumet K* (1901), которых он называет первыми «изобретателями» жанра. Ссылаясь на определение романтизма, данное Рэнд, Дарлимпл утверждает, что в этом романе было реализовано то качество, которое она имела в виду, — отсутствие детерминизма, предопределенности, а значит — ответственность человека за себя и окружающий мир [Darlymple, 1997, p. 80—81].

Типичными чертами бизнесмена в американской литературе 1880-х (В. Д. Хоуэллс, К. Ньюман, М. Твен) были физическая идеализация (сильный, большой) и недостаток образования, который компенсируется коммерческим успехом [Ibid., p. 28—30]. Дарлимпл утверждает, что в этом романе было реализовано то качество, которое имела в виду Рэнд — отсутствие детерминизма, предопределенности, а значит — ответственность человека за себя и окружающий мир [Ibid., p. 80—81].

Сама писательница — автор предисловия к изданию романа 1962 года. В нем она называет *Calumet K* романом, в котором изображен такой тип героя, как *efficacious man* (человек эффективный). В основе этого текста лежат сформулированные писательницей две черты, характерные для романтической литературы. Первая — это *benevolent-universe premise* (предпосылка о благожелательности вселенной): герой всегда достигает своих целей (связка «подумал-сделал»). Вторая — *the primacy of existence* (превосходство существования): человек, признающий реальность основным критерием принятия решений («надо — значит делаю»). Что характерно, Айн Рэнд в свойственной русской романтической литературе манере акцентирует внимание на дихотомии персонажей, каждый из которых олицетворяет какое-то одно качество: Петерсон (бывший руководитель элеватора) — *man of brown* (человек мускулов) и Бэннон (новый руководитель элеватора) — *man of brains* (человек мозгов).

Называя Бэннона «средним человеком» Америки рубежа веков, где «способность имела значение», она тем не менее прямо указывает на его «нецельность»: «He is not anti-intellectual, but *un-intellectual* — as a man of action, too busy to conceptualize» [The Ayn Rand Reader, 1999, c. 440]; «Он не антиинтеллектуал, а неинтеллектуал — как человек действия, слишком занятой для концептуализации» (перевод наш. — А. Г.). Упрекая героя в невозможности «осознать себя жертвой» в ситуации с рабочим, которого он ударил за то, что тот отказывался соблюдать правила производства, а затем прислал ему в больницу в подарок табак, чтобы о нем не подумали плохо, Рэнд констатирует, что Бэннон, являясь «типичным американцем», тем не менее не является идеальным романтическим героем.

4. Романы *Atlas Shrugged* Айн Рэнд и *Calumet* К. С. Мервина и Г. К. Уэбстера: несходство схожего

Сопоставляя идеальных героев Рэнд с Чарльзом Бэнноном, С. Дж. Дарлимпл замечает, что они более образованные и «философски настроенные», чем он. Проводя параллели, исследователь справедливо отмечает, что «плохим парням» в романе С. Мервина и Г. К. Уэбстера, представленным трудовыми профсоюзами, противостоят социалисты и коммунисты (и настроенные в этом духе) у Рэнд. При этом если в центре повествования *Calumet* К находится дело завершения зернового элеватора, то в центре «Атлант расправил плечи» — судьба самого человечества. Резюмирует свои рассуждения ученый фразой: «Rand's 1957 *Atlas Shrugged* is *Calumet* K on steroids» [Darlymple, 1997, с. 160]. Очевидно, что речь идет о принципиальной, глубинной разнице между двумя текстами (несмотря на их внешнее сходство на уровне сюжета), которую можно объяснить лишь ориентацией Айн Рэнд на русскую романтическую традицию в воссоздании своего идеального героя.

Сравнивая героев двух писателей, можно заметить, что им присущи схожие качества: ответственность, принципиальность, умение вдохновлять других. Так, ответственность проявляется у Бэннона в ситуации, когда профсоюзная делегация всячески мешает ему закончить строительство элеватора. Он заявляет (несмотря на колебания рабочих и возражения главы делегации Грэйди): «*Clear up that track. Quick, now!*» [Merwin et al., 2009, р. 39] («Очистите этот путь! Ну же, быстро!») (перевод наш. — А. Г.). В романе Рэнд Дагни Таггерт берет на себя ответственность за риски, связанные с прокладкой рельсов из риарден-металла, и решение вообще всех вопросов, которые вызывают колебания у ее брата Джима Таггерта. Характерный диалог из романа (семафор сломался, и поезд встал посреди снежной пустыни, а Дагни приказывает машинисту ехать до следующего семафора): *She was turning to go, when the engineer asked, "If there is any trouble, are you taking the responsibility for it, Miss Taggart?" "I am"* [Rand, 1996, р. 24] (Она повернулась, чтобы уйти, когда машинист осторожно заинтересовался: — В случае любых неприятностей вы берете ответственность на себя, мисс Таггерт? — Беру [Рэнд, 2009а, с. 23]).

Принципиальность и прямота Бэннона хорошо проявляются в эпизоде, когда он решает, где достать машины для перевозки зерна, и отправляется за ними лично, несмотря на то, что Слоан уговаривает его сэкономить время, позвонив по телефону. Чарльз заявляет: *In a case like this I couldn't express myself properly unless I saw the fellow I was talking to* [Merwin et al., 2009, р. 18] (Я не смогу должным образом объясниться, если не увижу

парня, с которым мне предстоит разговор) (перевод наш. — А. Г.). Так и Дагни, которая самостоятельно, рискуя собой, отправляется на поиски изобретателя «вечного» двигателя, проявляет принципиальность характера.

В обоих романах мы видим, как герой вдохновляет рабочих. В романе С. Мервина и Г. К. Уэбстера рабочим приходится заканчивать строительство элеватора ночами и в Рождество, чтобы успеть в срок. Бэннон постоянно находится рядом и талантливо управляет процессом: *He was all about the work, giving a hand here, an order there, always good-humored, though brusque, and always inspiring the men with the sight of his own activity* [Merwin et al., 2009, p. 18] (Он был весь в работе, подавая руку здесь, отдавая приказ там, всегда добродушный, хотя и резкий, и всегда вдохновлял людей видом своей собственной деятельности) (перевод наш. — А. Г.). В романе Рэнд Дагни организует работу терминала, когда система блокировки выходит из строя, координируя движения рабочих, которые управляют процессом вручную. Хэнк Риарден вместе с рабочими устраняет прорыв печи в цеху, рискуя жизнью.

Для обоих романов характерен контраст героев идеальных, ответственных и эффективных, с одной стороны, и безответственных и неэффективных — с другой. В романе *Calumet K* Бэннону противопоставлен Петерсон, который все время возражает первому, говоря «мы не сможем», «мы не успеем», «у нас не получится» и т. п. У Айн Рэнд такой контраст представляют брат и сестра, президент и вице-президент компании *Таггерт Трансконтинентал* Джим и Дагни Таггерт. Он постоянно норовит отказаться принимать решения. В ситуации с внедрением в производство рельсов из риарден-металла Дагни проявляет смелость: *Well, if it were any good, somebody would have used it, and nobody has* ... *“How can you know it’s good? How can you be sure? How can you decide?” “Somebody decides such things, Jim. Who?” “Well, I don’t see why we have to be the first ones. I don’t see it at all”* [Rand, 1996, p. 27—28] (— Ну если бы этот сплав на что-то годился, его уж использовали бы, а это не так ... Откуда тебе может быть известно, что это хорошо? Откуда такая уверенность? Как ты можешь принять такое решение? — Кому-то приходится брать на себя ответственность, Джим. Кому же, по-твоему? — Но я не понимаю, почему мы должны оказаться здесь первыми. Я совершенно этого не понимаю [Рэнд, 2009а, с. 28—29]).

При всех сходствах в характерах героев Мервина, Вебстера и Рэнд можно обнаружить и отличия, которые вовсе не исчерпываются тем, что С. Дж. Дарлимпл обозначил у первых как «отсутствие философичности». В случае с Айн Рэнд это не просто «философичность», а влияние другой, отличной от американской, литературной традиции. Ее герои заняты не

только внешними делами, но и внутренним развитием, попыткой понять себя, а еще точнее — преодолеть в себе противоречия. Так, Хэнк Риарден в начале романа мечется между работой и семьей, а после начинает осознавать, что это противоречие — ложное (как и любое другое в объективизме). Его жена Лилиан обладает иными моральными ценностями, создавая в нем эти противоречия (она любит его деньги — но не то, *как* он их делает), и нет ничего постыдного в его любви к Дагни, благодаря которой он обретает целостность между любовью к работе и к любовью к женщине: “*You who won’t allow one per cent of impurity into an alloy of metal*” ... “*what have you allowed into your moral code?*” [Rand, 1996, p. 519] (Вы, не допускающий ни единого процента примесей в своем сплаве ... кого вы допустили в святую святых своего нравственного закона? [Рэнд, 2009б, с. 269]).

В своей лекции, посвященной капитализму и коммунизму, Рэнд выражает послыл, направленный к предпринимателям: «Вы не решаете вопросы бизнеса по эмоциональным критериям; не делайте этого и в вопросах идеологии ... Не продвигайте и не пропагандируйте заведомо проигрышные идеи ... Вы не пытаетесь обдурить людей в бизнесе, не делайте этого и в философии ... Вы не сомневаетесь в своей правоте в бизнесе, не сомневайтесь и в области идеологии ... Не думайте, что “это должно быть очень умно, потому что я ничего не понимаю” или “это похоже на что-то интеллигентское, значит это все нереальные глупости”. Идеи — величайшая и решающая реальная сила на земле» [Rand, 1961]. Этим заявлением она еще раз подчеркивает важность объединения двух начал, практического и идейного, причем предлагает сделать это в жизни, то есть фактически предлагает *проект жизнеустройства*, как это делали русские романтики.

Если говорить о *масштабах задач*, решаемых романтическими героями писательницы, то они не идут ни в какое сравнение с теми задачами, которые решают герои Мервина и Уэбстера. *Calumet K* — это роман об ускоренном строительстве зернового элеватора, о трудностях, которые преодолевает на этом пути *efficacious man* Чарльз Бэннон — и только. Финал романа — радостное и запоздалое празднование Рождества и окончания работ по строительству элеватора, сопровождаемое чествованием Бэннона. Роман Айн Рэнд посвящен более глобальной задаче: спасти мир от надвигающейся угрозы социализма и экономического кризиса, для чего и создается Атлантида. Писательница здесь сближается с романтизмом Н. Г. Чернышевского, который тоже предлагает проект радикального переустройства человека и мира в романе «Что делать?» (1862—1863), а его герои воплощают мечты о будущем их автора: «Там,

где автор, создавая образы новых людей, превращает героев в выразителей своих задушевных мыслей — там налицо романтические тенденции в изображении и создании характеров» [Русский романтизм, 1974, с. 281—282]. Роман «Атлант расправил плечи» в этом смысле — законченный проект, руководство к действию (как был воспринят в свое время и роман «Что делать?»), что подтверждается сообществами объективистов по всему миру. Сама Рэнд недвусмысленно сообщает это в своем «Романтическом манифесте»: «Мотив и цель всех моих сочинений — представить идеального человека. В написанных мною романах изображение нравственного идеала — самоцель, а все содержащиеся там дидактические, интеллектуальные и философские ценности — лишь средства» [Рэнд, 2011, с. 163].

5. Выводы

Айн Рэнд обращается к романтизму для обоснования собственной философской концепции объективизма, которая целиком и полностью базируется на преодолении дуализма. Романтизм в системе объективизма, претендующего на охват всей реальности человеческого бытия, играет роль своеобразного «столпа»: в области экономики нравственным идеалом объективистов является система *laissez-faire* капитализма, в области этики — теория «разумного эгоизма», в сфере эстетики — романтическое направление как ведущее в культуре. Романтизм интересует писательницу как эстетическое явление, максимально удовлетворяющее ее «героической концепции» человека, основанной на преодолении базовой дихотомии между материализмом и идеализмом и формирующей *integrated man* — идеал человека целостного и лишённого противоречий.

Несмотря на то, что романтизм как литературное направление может рассматриваться в качестве универсального феномена, тем не менее существуют, как мы уже убедились, разные формы романтизма как национального явления, обусловленные динамикой развития литературы той или иной страны. Однако в его основе все равно будет лежать стремление преодолеть раскол между рациональным и эмоциональным началом, причем акцент на эмоциональном начале, по мнению Рэнд, только усугубляет этот раскол. Как мыслитель, наследующий диалектический метод русской философии, она стремится объединить два этих начала в рамках собственной эстетической системы, которую также называет романтизмом.

В своей концепции романтизма Айн Рэнд во многом сближается с русской литературной и эстетической традицией, так как конструирует героя, преодолевающего противоречия: между телом и духом, между личной жизнью и ответственностью за свое дело, а главное — меж-

ду своими ценностями и ценностями общества. Также Рэнд создает проект переустройства индивидуальности и социума. Американский романтизм не ставил перед собой такой задачи, и роман Мервина и Уэбстера прекрасно это подтверждает. Айн Рэнд делает задачей своего творчества преодоление дуализма, следуя традициям русской литературы на американской почве. Беря за основу *efficacious man*, «продукт» американской мечты, она воплощает в своих героях то, к чему стремились русские романтики: создать идеал человека цельного, меняющего себя и окружающий мир.

Источники

1. Рэнд А. Атлант расправил плечи : в 3 ч. / А. Рэнд. — Москва : Альпина Бизнес Букс, 2009. — Ч. 1. — 436 с.
2. Рэнд А. Атлант расправил плечи : в 3 ч. / А. Рэнд. — Москва : Альпина Бизнес Букс, 2009. — Ч. 2. — 424 с.
3. Рэнд А. Романтический манифест : Философия литературы / А. Рэнд. — Москва : Альпина Паблишер, 2011. — 199 с.
4. Merwin S. Calumet K / S. Merwin, H. K. Webster. — New-York : The Macmillan Company, 2009. — 148 p.
5. Rand A. Atlas Shrugged / A. Rand. — New-York : A Signet Book, 1996. — 1079 p.
6. Rand A. Capitalism vs Communism : видеозапись лекции Айн Рэнд [Electronic resource] / A. Rand. — Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=n8XuKqQppWU/>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиленсон Б. А. История литературы США : учебное пособие / Б. А. Гиленсон. — Москва : Академия, 2003. — 704 с.
2. Гуляев Н. А. Социально-эстетическая и гносеологическая сущность романтизма / Н. А. Гуляев // Русский романтизм : учебное пособие / Под редакцией Н. А. Гуляева. — Москва : Высшая школа, 1974. — С. 5—34.
3. Гуревич А. М. Романтизм в русской литературе : учебное пособие / М. А. Гуревич. — Москва : Просвещение, 1980. — 104 с.
4. Зверев А. М. Американский романтизм / А. М. Зверев // История литературы США : в 6 т. Т. 2. Литература эпохи романтизма / под редакцией А. М. Зверева, М. В. Тлостановой. — Москва : Наследие, 1999. — С. 13—51.
5. Ковалев Ю. В. Герман Мелвилл и американский романтизм / Ю. В. Ковалев. — Ленинград : Художественная литература, 1972. — 280 с.
6. Коровин А. В. История зарубежной литературы : западноевропейский и американский романтизм : учебное пособие / А. В. Коовин, Г. Н. Храповицкая. — Москва : Академия, 2007. — 432 с.
7. Маймин Е. А. О русском романтизме / Е. А. Маймин // О русском романтизме ; Русская философская поэзия ; Лев Толстой. Путь писателя ; Воспоминания ; Переписка / под редакцией Н. Л. Вершининой и Е. Д. Дмитриевой-Майминой. — Псков : Псковская областная типография, 2015. — С. 17—238.

8. Манн Ю. В. Динамика русского романтизма / Ю. В. Манн. — Москва : Аспект Пресс, 1995. — 384 с.
9. Мисюров Н. Н. Романтизм и его национальные варианты. Историко-культурный очерк : учебное пособие / Н. Н. Мисюров. — Москва : Флинта, 2016. — 190 с.
10. Недзвецкий В. А. История русского романа XIX века : неклассические формы : курс лекций / В. А. Недзвецкий. — Москва : Издательство Московского университета, 2011. — 152 с.
11. Сахаров В. И. Романтизм в России : эпоха, школы, стили / В. И. Сахаров. — Москва : ИМЛИ РАН, 2004. — 256 с.
12. Терц А. Что такое социалистический реализм / А. Терц. — Париж : SYNTAXIS, 1988. — 64 с.
13. Шалагинов Н. В. Русская литература социалистического реализма и проблема ее генезиса : автореферат ... диссертации кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. В. Шалагинов. — Нижний Новгород : ННГУ имени Н. И. Лобачевского, 2006. — 26 с.
14. Эткинд А. Non-fiction по-русски правда / А. Эткинд. — Москва : НЛЮ, 2007. — 336 с.
15. Boeckmann T. Rand's Literary Romanticism / T. Boeckmann // A Companion to Ayn Rand / Ed. by A. Gotthelf and G. Salmieri. — West Sussex : Wiley Blackwell, 2016. — Pp. 426—449.
16. Darlymple J. S. Capital Fictions : The Business Novel in America, 1880—1910 / J. S. Darlymple. — Buffalo : University of New York, 1997. — 360 с.
17. Halling D. K. Pendulum of Justice [Electronic resource] / D. K. Halling. — New-York : 2012. — Access mode : <https://www.amazon.com/Pendulum-Justice-Hank-Rangar-Halling/dp/1491264225>.
18. Kolhatkar V. The Frankenstein Candidate [Electronic resource] / V. Kolhatkar. — Las Vegas, 2012. — Access mode : <https://www.amazon.com/Frankenstein-Candidate-woman-awakens-deceit-ebook/dp/B0071CBU8G>.
19. Kluckhohn P. Das Ideengut der deutschen Romantik / P. Kluckhohn. — Tübingen : Max Niemeyer, 1966. — 198 p.
20. Sciabarra C. M. Ayn Rand. The Russian Radical / C. M. Sciabarra. — Pennsylvania : Pennsylvania State University Press, 2013. — 526 p.
21. Sciabarra C. M. The First Libertarian. [Electronic resource] / C. M. Sciabarra. — Access mode : <https://www.nyu.edu/projects/sciabarra/essays/spen-cer.htm>.
22. The Ayn Rand Reader / Ed. by G. Hull and L. Peikoff. — New-York : A Plume Book, 1999. — 460 p.

THE ROMANCE OF BUSINESS: AYN RAND ROMANTICISM

© Anastasia V. Grigorovskaya (2020), orcid.org/0000-0002-9282-313X, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian and Foreign Literature, University of Tyumen (Tyumen, Russia), a.v.grigorovskaya@utmn.ru.

The origins of a romantic worldview in the work of Russian-born American writer and philosopher Ayn Rand (Alisa Zinovievna Rosenbaum, 1905-1982) is studied in the article.

The analysis is based on the Russian and American versions of the romantic trend in literature, which differ in the interpretation of the romantic hero. Ayn Rand formulates his own understanding of romanticism, in which the determining factor for a romantic hero is the presence of will in relation to his own character and being. Comparing the texts of Rand and the representatives of *business romance* S. Mervin and G.K. Webster, *Calumet K* (1901), it can be noted that their characters are outwardly similar (they are responsible, principled, they can inspire others), but they differ on a deeper level. It is shown that the fate of humanity lies at the center of the story of Rand's novels, and not just the comprehension of ways to solve another production problem. It is noted that her characters overcome contradictions, try to understand themselves. It is stated that Ayn Rand makes the task of his work precisely the overcoming of dualism, following the traditions of Russian literature on American ground: taking the *efficacious man* as a basis, she embodies in her heroes what the Russian romantics aspired to: create the ideal of a whole person who changes himself and the world around him.

Key words: romanticism; American romanticism Russian romanticism; business romance; Ayn Rand; S. Mervin and G. K. Webster.

MATERIAL RESOURCES

Merwin, S., Webster, H. K. (2009). *Calumet K*. New-York: The Macmillan Company.

Rand, A. (1996). *Atlas Shrugged*. New-York: A Signet Book.

Rand, A. *Capitalism vs Communism: videozapis' lektsii Ayn Rend*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=n8XuKqQppWU/>.

Rend, A. (2009a). *Atlant raspravil plechi, 1*. Moskva: Alpina Biznes Buks. (In Russ.).

Rend, A. (2009b). *Atlant raspravil plechi, 2*. Moskva: Alpina Biznes Buks. (In Russ.).

Rend, A. (2011). *Romanticheskii manifest: Filosofiya literatury*. Moskva: Alpina Publisher. (In Russ.).

REFERENCES

Boeckmann, T. (2016). Rand's Literary Romanticism. In: *A Companion to Ayn Rand*. West Sussex: Wiley Blackwell. 426—449.

Darlymple, J. S. (1997). *Capital Fictions: The Business Novel in America, 1880—1910*. Buffalo: University of New York.

Etkind, A. (2007). *Non-fiction po-russki Pravda*. Moskva: NLO. (In Russ.).

Gilenson, B. A. (2003). *Istoriya literatury SShA: uchebnoye posobiye*. Moskva: Akademiya. (In Russ.).

Gulyayev, N. A. (1974). Sotsialno-esteticheskaya i gnoseologicheskaya sushchnost' romantizma. *Russkii romantizm: uchebnoye posobiye*. Moskva: Vysshaya shkola. 5—34. (In Russ.).

Gurevich, A. M. (1980). *Romantizm v russkoy literature: uchebnoye posobiye*. Moskva: Prosveshcheniye. (In Russ.).

Halling, D. K. (2012). *Pendulum of Justice*. New-York. Available at: <https://www.amazon.com/Pendulum-Justice-Hank-Rangar-Halling/dp/1491264225>.

Hull, G., Peikoff, L. (eds.) (1999). *The Ayn Rand Reader*. New-York: A Plume Book.

Kluckhohn, P. (1966). *Das Ideengut der deutschen Romantik*. Tübingen: Max Niemeyer. (In Germ.).

Kolhatkar, V. (2012). *The Frankenstein Candidate*. Las Vegas. Available at: <https://www.amazon.com/Frankenstein-Candidate-woman-awakens-deceit-ebook/dp/B0071CBU8G>.

- Korovin, A. V., Khrapovitskaya, G. N. (2007). *Istoriya zarubezhnoy literatury: zapadnoyevropeyskiy i amerikanskiy romantizm: uchebnoye posobiye*. Moskva: Akademiya. (In Russ.).
- Kovalev, Yu. V. (1972). *German Melvill i amerikanskiy romantizm*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
- Mann, Yu. V. (1995). *Dinamika russkogo romantizma*. Moskva: Aspekt Press. (In Russ.).
- Maymin, E. A. (2015). O russkom romantizme. In: *O russkom romantizme; Russkaya filosofskaya poeziya; Lev Tolstoy. Put' pisatelya; Vospominaniya; Perepiska*. Pskov: Pskovskaya oblastnaya tipografiya. 17—238. (In Russ.).
- Misyurov, N. N. (2016). *Romantizm i yego natsionalnyye varianty. Istoriko-kulturnyy ocherk: uchebnoye posobiye*. Moskva: Flinta. (In Russ.).
- Nedzvetskiy, V. A. (2011). *Istoriya russkogo romana XIX veka: neklassicheskiye formy: kurs lektsiy*. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).
- Sakharov, V. I. (2004). *Romantizm v Rossii: epokha, shkoly, stili*. Moskva: IMLI RAN. (In Russ.).
- Sciabarra, C. M. (2013). *Ayn Rand. The Russian Radical*. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press.
- Sciabarra, C. M. *The First Libertarian*. Available at: <https://www.nyu.edu/projects/sciabarra/essays/spen-cer.htm>.
- Shalaginov, N. V. (2006). *Russkaya literatura sotsialisticheskogo realizma i problema yeye genezisa: avtoreferat ... dissertatsii kandidata filologicheskikh nauk*. Nizhniy Novgorod: NNGU imeni N. I. Lobachevskogo. (In Russ.).
- Terts, A. (1988). *Chto takoye sotsialisticheskiy realism*. Parizh: SYNTAXIS. (In Russ.).
- Zverev, A. M. (1999). Amerikanskiy romantizm. In: *Istoriya literatury SShA, 2: Literatura epokhi romantizma*. Moskva: Nasledie. 13—51. (In Russ.).